

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ
«МУЖСКОЕ – ЖЕНСКОЕ» В ПРОЗЕ Н. С. ЛЕСКОВА**

Общеизвестно, что оппозиция «мужское – женское» в классических произведениях русской литературы реализуется достаточно традиционно: «С одной стороны: он, мужчина, вообще мужское, затем – город (слово мужского рода), Петербург, дух, разум, рассудок, интеллект и т. д. (все слова мужского рода). С другой стороны: она, женщина, женское, земля, страна, Россия, душа, вера и т. д. (все женского рода). С одной стороны, европеизированный, потерявший свои корни, расколотый, сомневающийся и отчаивающийся герой, с другой стороны – связанная с народом, укорененная в традиции, нравственно и духовно цельная героиня» [1].

При этом в творчестве каждого талантливого писателя реализация данной оппозиции, ее варианты и выстраивающиеся в связи с этим парадигмы индивидуальны и неповторимы.

Так, в творчестве Н. С. Лескова пространственная организация художественного мира строится на противопоставлении столицы и провинции, Петербурга и Москвы, города и дворянского поместья, открытого и зарытого пространства. Провинциальный мир у писателя ассоциируется, с одной стороны, с застоем, скукой, с другой – именно провинция оказывается способной сохранить традиции и те духовные начала, которые могут послужить источником преобразования русского общества. Москва в произведениях Лескова предстает точно такой же провинцией, как Орел, Тула и любые другие заштатные городишки, где человек погружен в семейные проблемы, повседневный быт, суету, скуку и бессмысленное времяпрепровождение. Но при этом именно в провинции есть люди, которые способны думать о потребностях своей души, стремиться к идеалу, своим бытием демонстрировать окружающим возможность жизни в соответствии с христианскими заповедями («Несмертельный Голован», «Очарованный странник», «Соборяне», «Котиндоилец и Платонида»).

Лесков, следуя гоголевской традиции, изображает Петербург не величественной имперской столицей, связанной с историей, а каменным городом, лишенным жизни. В пространстве Петербурга писатель актуализировал черты эсхатологического мифа, поэтому мотив разрушения становится центральным в произведениях, действие которых разворачивается в столице. В Петербурге, городе, построенном по европейскому образцу, отвергается все национальное, при этом петербургский туман размывает и скрывает истину, поэтому безобразное зачастую вос-

принимается как прекрасное, а прекрасное, напротив, как безобразное. Петербург уничтожает связь человека с домом, миром, поглощает отдельную личность, разрушая, он ничего не предлагает взамен («Воительница», «Некуда», «Островитяне», «Человек на часах»).

Петербург у Лескова является воплощением безликой государственной машины, поэтому человек в подобном пространстве совершенно ни к чему, здесь приживаются и чувствуют себя своими лишь те люди, смыслом жизни которых является движение вверх по карьерной лестнице.

Таким образом, если пространственную организацию текста Лескова рассмотреть через призму оппозиции «мужское – женское», то напрашивается достаточно неожиданный вывод: если женское начало, пусть слабо, странно, но все-таки явлено, то мужское настолько искажено, что можно говорить об его отсутствии.

Точно к такому же выводу можно прийти, если рассмотреть вариант «интеллект – душа», который в произведениях Лескова скорее следует определить как «разум – душа». Русская загадочная душа – важнейший и основной предмет размышлений Н. С. Лескова. Писатель не только не сомневается, что она есть, но и выдвигает порой предположение, что ее слишком много: то есть именно жизнь души и ее потребности определяют поведение русского человека. Об этом свидетельствует и доминантные черты национального характера, среди которых Лесков всегда выделял веру в Бога, и наличие особого типа героя-праведника, созданием которого так гордился беллетрист.

Если в произведениях Лескова и встречаются персонажи с отпечатком интеллекта, то это или иностранцы, как Райнер, или такие люди, как доктор Розанов, достаточно быстро осознавший, что жить, опираясь на рациональные идеи просто невозможно, так как в пространстве России они странно трансформируются и уродливо воплощаются (романы «Некуда», «На ножах»). Русский человек, с точки зрения писателя, не может и не должен жить по чужим образцам.

Русские же идеалы не только интеллекта, но и вообще чего-либо разумного, а тем более логичного, не предполагают. Это обусловлено, в том числе, и спецификой русского космоса, в котором доминируют огромные пространства, ассоциирующиеся с горизонтальными линиями, осмысленными в культурной традиции через ассоциацию с лоном, следовательно, женским началом, и особенностями русской психеи, которая своей защитницей и покровительницей видит Матерь Божию. Откуда же здесь появиться интеллекту и рациональному началу? Русский человек живет эмоцией, страстью, а, следовательно, в его характере превалирует все тоже пресловутое женское начало.

Наиболее ярким примером, демонстрирующим причудливые результаты доминирования женского начала в характере русского человека, является образ Константина Пизонского (рассказ «Котиндоилец и Платонида»). Мать Пизонского, нашедшая после смерти мужа пристанище в монастыре, не желая расставаться с сыном, держала его при себе в женской обители под именем Макрина, поэтому мальчик до двенадцати лет не знал своего истинного пола. Оказавшись в духовном приходском училище, он неизбежно становится изгоем, так как привычка говорить о себе в женском роде вызывала жестокие насмешки одноклассников. Константин превращается в запуганного, даже забитого человека, и инициации, которые проходят именно мужчины (он был отдан в рекруты и три года «пробыл дьячком полковой церкви»), не делают его носителем мужских качеств.

Он начинает их проявлять только тогда, когда самым странным образом в его судьбе реализуется материнский инстинкт – Пизонский похищает осиротевших девочек своей двоюродной сестры. Лесков подчеркивает, что в действиях Константина совершенно отсутствовало рациональное зерно: «Пизонский, к счастью, не философствовал, а хорошо чувствовал и поэтому поступил иначе» [2, с. 229]. Бесконечная робость Пизонского сменяется безудержной активностью и изобретательностью, ответственность за жизнь других, более слабых существ, заставляет его быть сильным. Но все-таки это специфическая сила, ассоциирующаяся с библейским «будьте как дети», источник которой в слабости и духовной чистоте.

Праведники в произведениях Лескова чаще всего не имеют семьи, но даже если таковая наблюдается, то у них нет детей: и кварталный Рыжов («Однодум»), и Туберозов («Соборяне») – бездетны. Не менее удивительным фактом является и то, что в произведениях писателя не имеют детей и те женские персонажи, которые хоть как-то приближены к идеалу: они обречены или на раннюю смерть, как Лиза Бахарева, или на отсутствие семьи, как настоятельница монастыря мать Агния, или на бездетность, как жена протопопа Савелия Туберозова.

Лесков признает нравственное и духовное влияние женщины на мужчину, утверждая, что его нельзя выразить материально: «Как вы расцените на рубли влияние, которое хорошая жен-

щина может иметь на вас, освежая ваш дух, поддерживая в вас бодрость, успокаивая вас лаской, одним словом – утешая вас своим присутствием и поднимая и на работу, и на мысль, и на все хорошее?» [3, с. 80]

Но при этом в произведениях писателя уже нет традиционной для русской литературы антитезы, ведущей свое начало от пушкинского «Евгения Онегина», когда духовной героине, неразрывно связанной с народной традицией, противопоставлен герой, носитель европейской культурной традиции, которому героиня необходима, чтобы обрести свою целостность. Скорее, напротив, персонажи Лескова вне зависимости от пола увлекаются разрушительными идеями западной цивилизацией или стремятся обрести душевное равновесие и покой, обращаясь к опыту дедов и отцов – вере христианской.

В результате оппозиция «мужское» – «женское» в художественном мире Н. С. Лескова имеет в большей степени номинальное значение, равновесие между ее компонентами нарушено, так как в русском пространстве преобладает женское начало. При этом очевидно, что развитие – это результат взаимодействия противоречий. А если противоречия практически не наблюдаются, то стоит ли ожидать развития? В таком случае даже обретение идеала не будет способствовать движению. Может быть, в специфическом русском мире даже источник движения – другой?

Список использованных источников

1 Макушинский, А. Отвергнутый жених, или основной миф русской литературы XIX века / А. Макушинский // Зарубежные записки. – 2006. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/zz/2006/5/>. – Дата доступа : 4.05.2015.

2 Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 11 т. / Н. С. Лесков. – М. : ГИХЛ, 1956. – Т. 1. – 506 с.

3 Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. / Н. С. Лесков. – М. : Правда, 1985. – Т. 3 – 463 с.